
А. В. Назаренко
ИВИ РАН, ИРИ РАН, Москва, Россия. avnazarenko-hist@yandex.ru

ПАМЯТИ АНДЖЕЯ ПОППЭ
(12 июля 1926 – 31 января 2019)
Опыт лирико-аналитического некролога¹

Имя Анджея, или (как сам он любил именоваться при общении с русскими коллегами) Андрея Витольдовича, Поппэ – знаковое для всякого, кто профессионально занимается историей Древней Руси и Русской церкви. За более чем полвека интенсивной работы на этом исследовательском поле польский русист заметно раздвинул его пределы в целом ряде направлений, и нынешняя карта древнерусского научного ландшафта пестрит отметками, которые вправе носить имя А. Поппэ как одного из самых основательных своих триангуляторов. Его гипотезы отличались филигранной отточенностью, редкой источниковедческой кропотливостью, полнотой историографического кругозора. Анджей Витольдович придавал крайне высокое, решающее, значение научному профессионализму, не терпя ни легковесности, ни вальяжной сановности, и мог довольно резко одернуть даже авторитетного коллегу, если ему казалось, что тот погрешает против канонов ремесла [Поппэ, 2007б; 2008а]. Все, что делал сам А. Поппэ, даже если не убеждало в частностях или конечных выводах, неизменно расширяло исследовательский кругозор, будило мысль, подталкивало к дальнейшим изысканиям – и в этом смысле становилось прочной частью высокой науки как общего делания, *oris cottine*.

Полная тревог и невзгод молодость, которая пришлась на военные и первые послевоенные годы, вовсе не располагала к какой бы то ни было серьезной учебе. Роковой сентябрь 1939 г. застал юношу на каникулах в Западной Белоруссии, вследствие чего он уже не смог вернуться в родной Воломин под Варшавой, оказавшись в Минске, где два года проучился в советской десятилетке. Немало испытал в годы немецкой оккупации, невольный изгнанник после освобождения еще два года трудился на пермских угольных промыслах. По возвращении в 1946 г. в Польшу он работал в Комиссии по борьбе со злоупотреблениями и госвредительством (!), служил в армии и только в 1950 г. закончил полный курс средней школы. Тем не менее в том же 1950 г. застаем А. Поппэ студентом на историческом факультете Варшавского университета, с которым дальнейшая судьба связала его практически на всю жизнь.

В университете завязались творческие отношения с Александром Гейштором, которые сыграли немалую роль в становлении будущего ученого. Под руководством А. Гейштора была написана и защищена магистерская диссертация (1955 г.) о раннесредневековом городе Вольне на русско-польском пограничье в Побужье [Рорре, 1958]. Уже в ней, как и в других первых печатных работах [Поппэ, 1956; Рорре, 1957а; 1957б], наметился интерес автора, пока еще отчасти археологический, к древнерусским древностям, который получил продолжение и в аспирантуре при Институте истории материальной культуры Польской академии наук (1955–1959). Здесь им был выполнен археологически-лексикографический труд – словарь древнерусских строительных терминов [Рорре, 1962], дополненный вскоре аналогичным опытом о древнерусской терминологии ткачества [Рорре, 1965б].

Вряд ли такой поворот к Руси был случайным со стороны начинающего исследователя, по крови наполовину русского. По матери А. Поппэ приходился, кажется, правнуком ни много ни мало Петру Ивановичу Бартеневу; достойно внимания, что первые студенческие опыты известного в будущем археографа и основателя научной пушкинистики были тоже

¹ Благодарим варшавского коллегу А. Юсуповича за справочные материалы к биографии А. Поппэ.

лексикографического свойства («Словарь языка древнерусских летописей» и др.). Русский язык не был для Поппэ чужим, и, хотя свои русскоязычные работы он в силу добросовестности обычно просил вычитывать кого-либо из русских коллег (в том числе неоднократно и автора этих строк), следует признать, что исследователь обладал своеобразным русским слогом, который стремился оберегать, досадуя, если старания редактора заходили, по его мнению, слишком далеко.

С 1959 г. А. Поппэ – снова на историческом факультете университета в Варшаве, где в следующем году защитил докторскую диссертацию «Житие Бориса и Глеба на фоне древнерусской историографии XI в.». С тех пор борисо-глебская проблематика надолго (в сущности, навсегда) становится одним из магистральных направлений в работе ученого [Поппэ, 1966б; 1973; 1995а; 2003; Рорре, 1965с; 1969а; 1981b], определив его пристальное внимание именно к церковной истории Руси преимущественно конца X – XI в.; отсюда понятен интерес и к обстоятельствам убоицы Владимировичей 1015–1019 г. [Рорре, 1995а; 1995b; Поппэ, 2010]. Главный вывод историка, который он последовательно отстаивал на протяжении десятилетий, пытаясь усовершенствовать текстологическую аргументацию в полемике прежде всего с концепцией Л. Мюллера [Мюллер], заключался в том, что церковное прославление свв. Бориса и Глеба состоялось только при перенесении мощей в 1072 г., в связи с чем и были созданы как древнейшее агиографическое произведение, посвященное святым, – первая редакция Сказания страсти и чудес, так и, несколько позднее, при митрополите Иоанне II, первая церковная служба. Прочие тексты борисо-глебского круга, в том числе и летописная повесть, согласно Поппэ, возникли позже и так или иначе зависели от Сказания страсти. Схожие идеи высказывались и ранее, но польский русист придал им систематическую, законченную форму и, похоже, склонен был думать, что на какое-то время закрыл проблему. Помещая итоговую статью на эту тему [Рорре, 2003] (русский вариант: [Поппэ, 2003]) в свой последний сборник [Рорре, 2007, гл. VII], автор выделил ее в предисловии как самую главную для него во всей книге.

Когда на рубеже веков в Москве началась работа по изданию Православной энциклопедии, казалось, что никто лучше А. Поппэ не сможет представить эту сложную тему, и для редакции было полной неожиданностью получить совершенно непригодный текст, в котором в беллетризованной форме на многих страницах монологично излагалась гипотеза автора. Обзорную статью пришлось писать самим, а от несостоявшегося автора было получено горькое письмо с обидой за науку, в которой-де теперь на десятилетия будет канонизована ошибочная старина. Пытаясь уразуметь суть казуса, пишущий эти строки остановился на предположении, что виной всему стало невысокое мнение Поппэ о постсоветской церкви. Углядев однажды архиерейское благословение на этикетке бутылки с минеральной водой, он желчно заметил: «Ваши епископы еще не понимают, что этого не следует делать». Очевидно, и в Православной энциклопедии он напрасно предвидел что-то вроде не обремененного излишней наукой чтения для священнослужителей. Увы, большой ученый в непосредственном общении порой оказывается нелегким человеком...

Событием в изучении Русской церкви стала вышедшая в 1968 г. книга А. Поппэ «Государство и церковь на Руси в XI в.» [Рорре, 1968а], которая весьма критически продолжила направление, обозначенное полувеком ранее в знаменитой диссертации М. Д. Приселкова. Не уступая последней по богатству идей (иногда столь же небесспорных), труд польского историка покоился на радикально упроченном фундаменте источников и также был принят в качестве диссертации на соискание звания *dr. habil.* Оппонентами на защите в январе 1969 г. выступил цвет польской медиевистики – А. Гейштор, Х. Ловмянский, Т. Мантейфель. Успешная защита послужила избранию диссертанта в Ученый совет Института истории Варшавского университета, а затем, с 1970 г., – назначению на должность доцента. Вот только профессуры в родном

университете Поппэ дождался лишь через полтора с лишком десятка лет, в 1987 г., в возрасте, когда обычный европейский профессор уже приближается к эмеритуре, которая в данном случае состоялась тоже с задержкой – в 1996 г. Обостренная принципиальность ученого, простираясь и на вопросы управления университетской жизнью, делала его конфликтным и неуживчивым, зачастую неудобным для университетского начальства.

Сложность была и в другом: как «чистый» русист А. Поппэ несколько выпадал из цехового портрета польской медиевистики. Ценители его трудов, и актуальные, и потенциальные, находились по преимуществу вне польского академического пространства, поэтому историку приходилось постоянно создавать иноязычные изводы своих сочинений как для русского, так и для западного читателя. Впрочем, задача облегчалась тем, что автор не был расположен к жанру систематической монографии, тяготея к микроисследованиям на конкретные темы. Вот и книга 1968 г. представляла собой сумму очерков по ключевым проблемам первого столетия русской церковной истории, большинство из которых оказались довольно скоро размножены в виде разноязычных статей. Их собрание, с добавлением некоторых других существенных материалов, составило изданный в Лондоне в серии *Variorum reprints* сборник [Рорре, 1982], который производит впечатление своего рода расширенного *pendant* к польской книге 1968 г.

Больше других повезло сюжету о времени построения и росписи каменного митрополичьего собора св. Софии в Киеве (согласно автору, в период с 1037 по 1046 г.), а также реконструкции ктиторской фрески с изображением семейства Ярослава Мудрого [Рорре, 1968а, s. 48–68; 1968b; 1981а; Поппэ, 1968а; 1996b]. Сюда же примыкают две тесно взаимосвязанные темы: византийская политика князя Ярослава и проблема митрополита Илариона. Русский поход против Византии в 1043 г., который в глазах М. Д. Приселкова обозначал антивизантийский поворот в церковной политике Ярослава, А. Поппэ стремится, напротив, изъять из церковно-политического контекста, полагая, что он был вызван желанием киевского князя поддержать мятеж Георгия Маниака, катепана византийских владений в Южной Италии [Рорре, 1967; 1968а, s. 69–130; 1971а]. Также и поставление в 1051 г. на митрополию русина Илариона выросло, по мнению ученого, не из церковно-политической оппозиции Царьграду, как чаще всего считалось в науке, а опиралось на древнюю каноническую практику избрания предстоятелей внутри самих митрополий, которая в то время дискутировалась и в самой Византийской церкви [Рорре, 1968а, s. 131–151; 1972; Поппэ, 1970].

Первой из этих двух гипотез автор, похоже, не слишком дорожил, судя по тому, что не стал включать статью 1971 г. в свой лондонский сборник; еще позднее она столкнулась с довольно категоричной критикой [Литаврин, с. 228–276] и в конце концов была оставлена своим создателем – правда, в пользу высказанного вскользь гротескного предположения, будто русское войско в 1043 г. спешило на помощь императрицам Зое и Феодоре в их борьбе со сторонниками Михаила IV, но опоздало, и потому (!) было уничтожено Константином IX, новым мужем Зои [Поппэ, 2011в, с. 40–41 и примеч. 70]. Зато вторая оставалась в фокусе внимания ученого, развивалась им и в конечном итоге привела к попытке обосновать представление о некоей особой роли константинопольского студийского монашества в церковном просвещении Руси в XI в., ведь именно Студийский монастырь был центром внутрицерковной оппозиции в вопросе об архиерейских назначениях [Поппэ, 2011а; 2011б; 2011в, с. 7–100]. Да, такое представление производит впечатление преувеличенного в почти хаотическом сцеплении деталей, поляризованных в единую картину только мощным магнитным полем авторской интуиции, и уже встретило подробную критику [Артамонов], но то интуиция глубокого знатока и уже потому заслуживает самого пристального внимания. Отложим вердикт до времени, ибо над кенотафом митрополита Илариона, несомненно, еще будет сломано немало копий.

Принципиально важен раздел о митрополии Константинопольского патриархата как изначальной организационной форме Русской церкви [Рорре, 1968а, с. 15–39] – идея, которую автор, вслед за Л. Мюллером [Müller], отстаивал против получившей широкую популярность гипотезы М. Д. Приселкова о первоначальном, вплоть до конца 1030-х годов, окормлении новокрещеной Руси из автокефальной Охридской архиепископии [Поппэ, 1969б; Рорре, 1964а; 1979б]. Развивая наблюдения П. Лорана [Laurent] и особенно Э. Хонигманна [Honigmann, р. 148–158] над некоторыми недостаточно известными византийскими текстами канонического права – списками митрополий Константинопольского патриархата и отдельными редакциями трактата «О перемещениях епископов», А. Поппэ пришел к выводу, что митрополия была установлена на Руси в 988 г., одновременно с крещением князя Владимира, а первым русским митрополитом стал бежавший в 987 г. от мятежного Варды Фоки митрополит Севастии Армянской Феофилакт. Эта точка зрения быстро нашла признание в научном мире, и сам автор в более поздних трудах воспроизводил ее без каких бы то ни было уточнений [Рорре, 1988а, S. 251; 1988b, S. 476–477; 1997, р. 338], хотя соотношение между редакциями трактата «О перемещениях», выяснившееся после выхода в свет в 1984 г. его критического издания, пробило глубокую брешь в аргументации Хонигманна – Поппэ. Другой краеугольный камень этой гипотезы – 997 г. как наиболее раннее упоминание Аланской митрополии и, тем самым, *terminus ante quem* для установления митрополии на Руси, поскольку в перечнях митрополий Алания значится после России, – выпал после публикации в 2005 г. свидетельства об аланских митрополитах, на три десятка лет более раннего. В итоге историографический круг показательным образом замкнулся, вернувшись к точке, близкой к предварительному заключению П. Лорана, что митрополит Феофилакт оказался на Руси не сразу по крещении Владимира, а, кажется, только в конце его княжения [Назаренко, 2017]. Но и в таком виде руина первоначально стройного здания смотрится достаточно внушительно.

К теме крещения Владимира и Руси А. Поппэ вернулся в ходе стажировки в 1973–1974 учебном году в византиноведческом центре Гарвардского университета (с его главой И. Шевченко ученого связывала тесная дружба), результатом которой стала большая работа о политической подоплеке крещения [Рорре, 1976b; Поппэ, 1990]. Принимая идею А. А. Шахматова о предпочтительности хронологии летописчика из «Памяти и похвалы князю Владимиру» Иакова Мниха по сравнению с картиной, представленной в «Повести временных лет», автор доказывает, что Владимир принял крещение не в Корсуне, а в Киеве (видимо, в самом начале 988 г.). Но всегда оригинальный исследователь не был бы самим собой, если бы не придал сюжету необычный поворот. Как объяснить взятие Владимиром Корсуни, которое слишком явно противоречит логике только что заключенного русско-византийского союза? Несмотря на прозрачную подсказку Иакова Мниха о предшествующем походу стоянии на порогах, автор отказывается от принятой в науке трактовки, что греки по понятным причинам медлили с отправкой на Русь обещанной багрянородной невесты для князя, а выдвигает альтернативное толкование: Владимир осадил Корсунь именно как союзник Константинополя, потому что город принял сторону узурпатора Варды Фоки.

Надо ли говорить, что подобный радикализм, круто ломавший летописную картину причинно-следственных связей, нашел не слишком много сторонников, натолкнувшись на стойкое неприятие со стороны специалистов, в уклончивой [Франклин, Шепард, с. 239] или категоричной форме [Obolensky]. И хотя сам А. Поппэ в общем придерживался традиционной точки зрения на хронологию осады и взятия Корсуни, как она была сформулирована еще В. Г. Васильевским и В. Р. Розеном, неконформистский запал его построений распахнул ящик Пандоры, так что в последующие десятилетия наука столкнулась с целым рядом в разной

мере обоснованных предложений по пересмотру и времени, и последовательности, и причин «околокорсунских» событий. Логика гипотезы подталкивала ее автора к поиску повсеместных метастазов оппозиции правительству императора Василия II – на наш взгляд, без особого результата [Назаренко, 2001, с. 424–433]. Тем не менее историк твердо держался своей идеи и в результате оказался невосприимчив к более широкому, русско-германско-византийскому, политическому фону, на котором разворачивалась предыстория и история крещения Руси [Назаренко, 2001, с. 311–450]. Попытка оспорить саму возможность такой трехсторонней политической конфигурации соединила в себе, увы, категоричность выражений старого мэтра с глухотой в отношении конкретных аргументов своего оппонента [Рорре, 2016].

При всем том следует безусловно поддерживать настойчивость, с которой А. Поппэ с самого начала всячески подчеркивал принципиально важную идею об определяющей роли целенаправленной деятельности княжеской власти в рецепции Русью христианства. Историк любил прибегать к формуле Спинозы, что всякое заимствование происходит *modo recipientis*, то есть при определяющем участии не столько «дающей», сколько «берущей» стороны. Или, сводя до схемы: крещение и дальнейшая христианизация стали не столько плодом миссионерских усилий со стороны Византии, сколько завоеванием самой Руси [Рорре, 1968a, s. 206–236; 1969b; 1980b].

После всего сказанного рискнем все же взять на себя ответственность утверждать, что главным открытием А. Поппэ, повлекшим за собой наибольшие последствия для реконструкции и понимания событий отнюдь не только церковной истории Руси второй половины XI – начала XII в., стало доказательство существования здесь в это время митрополий, помимо Киевской, – а именно титулярных митрополий (то есть митрополий лишь по титулу, не имевших в своем составе подчиненных епископий) в Чернигове и Переяславле Русском [Рорре, 1965a; 1968a, s. 164–170; 1970; Поппэ, 1968b, с. 97–108]. Имея в своем распоряжении единственно *haraх legomenon* – упоминание о «Маврокастре, или Новой Руси» в списке константинопольских митрополий, составленном в начале правления Алексея I Комнина, в первой половине 1080-х годов, ученый сумел, в отличие от своего предшественника Э. Хонигманна, распознать в нем Чернигов. Этому, несомненно, способствовала предпринятая Поппэ ранее правильная идентификация Льва, составителя одного из антилатинских трактатов, как митрополита Переяславля Русского второй половины XI в. [Рорре, 1964b; 1965d; Поппэ, 1969a]. Совершенно справедливо усмотрев причину временного открытия титулярных митрополий в специфическом соправлении («триумvirате») Ярославичей – Изяслава Киевского, Святослава Черниговского и Всеволода Переяславского, исследователь предположил, что и Переяславская митрополия, о которой вскользь говорится в доставившей столько хлопот текстологам глоссе к статье 1089 (на самом деле – 1090) г. Лаврентьевской летописи, должна была возникнуть одновременно (или почти одновременно) с Черниговской. Как и в случае со временем учреждения Киевской митрополии, автор впоследствии не возвращался к теме, несмотря на то что в 1981 г. сводное критическое издание константинопольских *notitiae episcopatum*, предпринятое Ж. Даррузесом, создало совершенно новую источниковедческую ситуацию, и Переяславль, как и подозревал Поппэ, благополучно отыскался в списках византийских митрополий (*notitia 11*) [Назаренко, 2009, с. 207–245].

С чем, однако, трудно согласиться, так это с убеждением первооткрывателя, что учреждение новых митрополий произошло по инициативе Византии – вследствие ее заинтересованности в совместной борьбе против узов-торков около 1060 г. Примеры других такого рода церковно-организационных преобразований показывают, что константинопольское священноначалие шло на них всегда неохотно и, как правило, под давлением с мест. Верно уловив

связь между временным «растроением» Русской митрополии и временным же троевластием старших сыновей Ярослава Мудрого, А. Поппэ, думается, недооценил в данном случае роль церковной самостоятельности в оформлении политического суверенитета – хотя эта идея была вполне в духе его трактовки церковно-государственных отношений на Руси. И вообще, автор открытия, как кажется, не до конца прозревал подлинный его масштаб. В сборник 1982 г. сюжет в качестве отдельной публикации не вошел, оставшись экзотическим эпизодом в становлении организационной структуры Русской церкви начальной поры [Рорре, 1971b, р. 177–184]; такое же место он занимал и в последующих обзорных работах [Рорре, 1988a, S. 261–263; 1988b, S. 478–479; 1997, р. 350–352].

В стремлении установить основные этапы развития епархиальной системы Киевской, или точнее (с точки зрения соответствия византийской терминологии) Русской митрополии, А. Поппэ был первым, кто привлек для этого созданный около 1180 г.² список константинопольских митрополий, снабженный росписью епархий каждой из них, в том числе и Русской (*notitia 13*, по изданию Ж. Даррузеса); здесь значится 11 епископий – от Белгородской до Галицкой. При этом историк, по-своему последовательно, стремился использовать совершенно справедливый общий тезис о ведущей роли княжеской власти в церковном строительстве в качестве герменевтического ключа в конкретных случаях учреждения отдельных епископий, что привело к ряду более или менее предположительных датировок. Так, открытие епископий в Переяславле Русском и Юрьеве на Руси было отнесено ко времени вскоре после победы Ярослава над печенегами в 1036 г., во Владимире Волынском – к княжению здесь Ярополка Изяславича в 1078–1086 г., в Турове – к правлению Святополка Изяславича, перебравшегося сюда в 1088 г., и т. д. [Рорре, 1968a, s. 152–205; 1971b; Поппэ, 1996a, с. 443–445]. В итоге выстраивается хронология, которая находится в явной коллизии с последовательностью перечисления кафедр в *notitia 13*, а ведь она, последовательность, как полагал сам Поппэ в других случаях, отвечала очередности возникновения епископий. Так ли уж прав автор, предпочтя прямому свидетельству официального источника косвенные соображения здравого смысла? В целом история сложения епархиальной структуры Русской церкви в XI – середине XII в., за исключением древнейшей ее части (Белгородской, Новгородской, Черниговской и Полоцкой епископий) и четко датированных епископий Смоленской [Рорре, 1966; Поппэ, 1966a] и Галицкой, выглядит, пожалуй, наиболее уязвимой частью в общей картине становления церкви на Руси, набросанной уверенной рукой знатока [Назаренко, 2009, с. 172–206].

Со временем А. Поппэ все более и более занимала личность крестителя Руси князя Владимира, ее живые черты, просвечивающие сквозь порой полужитийный флер летописного повествования, и, напротив, ее восприятие народным и церковным сознанием, не лишенная загадочных противоречий, как бы рывков и откатов, история вызревавшего церковного почитания равноапостольного князя [Рорре, 1992b; 1993; 2007, кн. VIII; Поппэ, 1995b; 2005; 2008b]. Не обошел вниманием исследователь и предтечи Владимира – княгини Ольги; в развернувшейся с 1980-х годов острой полемике о дате ее поездки в Царьград (946 или 957?) он поддержал точку зрения Г. А. Острогорского, что правительница Руси отправилась в византийскую столицу в 957 г., причем уже христианкой [Рорре, 1992a]. Тот факт, что такая гипотеза реабилитирует летописную дату крещения Ольги 955 (6463) г., порадует всякого почитателя А. А. Шахматова, к которому ведь и восходит идея Острогорского; но способно ли это удовлетворение противостоять согласному показанию трех независимых друг от друга древних исторических традиций – древнерусской, византийской и латинской, – что русская княгиня крестилась именно в Константинополе? Вопрос.

² А. Поппэ предпочитал датировать памятник более ранним временем – до 1165 г., но эту датировку принять невозможно.

Пусть читатель не смущается критическими замечаниями, там и сям рассеянными по этим страницам, ибо большинство из них выросли из изысканий, которые оказались возможны именно благодаря новаторским трудам Анджея Поппэ и в этом смысле (да простится нам столь дерзкая мысль) стали их продолжением.

Конечно, жанр некролога, пусть и претендующего на некоторую оценочную аналитику, не позволяет в полной мере отозваться на весь чрезвычайно богатый круг идей и тем, который представлен в трудах большого ученого. Так, заметное влияние на науку оказало исследование о титуле «великий князь» в домонгольской Руси, где автор убедительно показал, что таковой входит в официальное (вне энкомиального контекста) употребление впервые только применительно к Всеволоду Большое Гнездо [Рорре, 1980с; 1984а]. Замечательны кропотливые эссе о так называемых «Корсунских вратах» новгородского Софийского собора [Поппэ, 1976; Рорре, 1981с], в том числе и в ряду других «корсунских» древностей на Руси [Рорре, 1984b]. На основе палеографического рассмотрения кириллических надписей на вратах ученый был склонен со всей осторожностью относить их появление в Новгороде к первой половине XV в. Сюда они попали из кафедрального собора в польском Плоцке, будучи изготовлены в Магдебурге, вероятно, в 1153 г. при архиепископе Вихмане; церковно-политическая ситуация вокруг магдебургской кафедры этого времени, самого начала правления Фридриха I Барбароссы, удостоилась отдельного подробного исследования [Рорре, 1980а], что выдает в авторе медиевиста широкого кругозора, не боявшегося выходить далеко за пределы древнерусской истории не только в привычном византийском направлении, но и в сторону латинской Европы. В таком положении трудно не иметь своих пристрастий; были они и у А. Поппэ. Одним из них объясняется, как нам видится, та удивительная настойчивость, с которой историк отстаивал старую идею, что Борис и Глеб были сыновьями Владимира от царевны Анны, пытаясь нащупать следы и другого потомства от этого брака – Феофано, супруги новгородского посадника Остромира [Поппэ, 1997]. О многом другом здесь не говорим: кое-что на этот счет читатель сам сможет извлечь из прилагаемого библиографического списка. Более десятка таких статей, выпадающих из собственно церковно-исторического блока, были объединены автором в своем последнем сборнике [Рорре, 2007].

Въедливая критичность и резкость должны были, видимо, затруднять для А. Поппэ деятельность на ниве организатора науки. Но и здесь по крайней мере одна огромная его заслуга очевидна. Наука о русском Средневековье, давно сложившись и породив многочисленный цех адептов, никогда не имела своего печатного органа – в кричащем контрасте с процветающим состоянием профессиональной периодики у коллег-византинистов или медиевистов-западников (Пушкинский дом с его «Трудами Отдела древнерусской литературы» только отчасти спасал дело). Причины тому обсуждать здесь не место, но нельзя не подивиться, что первый шаг в этом направлении был сделан не в нашем отечестве, а иностранцем-одиночкой. Именно Анджей Поппэ (в сотрудничестве с Л. Мюллером и Дж. Феннелом, место которого затем занял Э. Хёш) стал инициатором и мотором международного альманаха «*Russia Mediaevalis*» («Средневековая Русь»), который выходил в Мюнхене в течение четверти века, с 1973 по 2001 г. Несомненно, издательское дело служило тяжелым обременением для действующего ученого, особенно с учетом того, что половину каждого тома (а впоследствии – и много больше) должна была занимать аннотированная библиография. Нам памятны сетования пожилого усталого прихрамывавшего человека во время случайной встречи осенью 1990 г. во Фрайбурге: уже тогда А. Поппэ старался найти помощников журналу в России, планируя со временем перенести издание туда. Планам не суждено было исполниться, в России один за другим появлялись свои журналы. Но начало было положено не нами...

Автор этих строк познакомился с их героем в Риме более тридцати лет назад, в далеком 1988 г., когда миллениум крещения Руси шагал по университетам Европы. Общеизвестный к тому времени мастер – но никакой импозантности: седой бобрик, большие очки, легкая сутулость... и безжалостная язвительность в адрес коллег, позволявших себе, в расслабляющей атмосфере юбилея, те или иные научные вольности. От последующего общения и неоднократных встреч осталась масса писем и... почти ни одной фотографии. Видимо, это неслучайно, если нет их (совсем!) и на безбрежных просторах всеохватывающего Интернета, так что не нашлось даже дежурного портрета, чтобы украсить им это прощальное слово. Да, менее всего покойный был общественным, медийным персонажем. На единственном случайном фото, которое есть в распоряжении автора, Анджей Витольдович «застрелен» с ним в Новгороде, на мосту через Волхов, в 1995, что ли, году, с указующим в сторону Софии перстом во время мимолежного разговора, разумеется, ученого, быть может, о Феофано Новгородской... Любительский черно-белый снимок, из которого никаким «фотошопом» ничего не выжать для печати. И вообще покойному был свойствен некоторый аскетизм. Не терпя длинных сносок, втуне нагнетающих ученость, как гормональные уколы округляют куриную тушку, историк совсем не копил книг: кабинет в варшавской квартире был украшен довольно скромным, и по объему, и по оформлению, стеллажом. А даря книгу, даритель считал нужным оправдаться: «Эта полка не испортит».

Положа руку на сердце, не можем сказать, что с Анджеем Витольдовичем было просто, легко, особенно в последние годы. Развившаяся с возрастом склонность к аподиктическим суждениям наполнила копилку крупных и мелких разногласий, порой раздражала. Но там, где просто, там и результат бывает прост. Здесь же, слава Богу, дело иное. Здесь налицо, пользуясь словом классика, «цветущая сложность». Когда читаешь Поппэ, роятся мысли. И в этом главное мастерство ученого, которое заставляет и будет заставлять обращаться к его текстам. И как жаль, что так и не состоялся «русский Поппэ» – авторизованное двухтомное собрание русскоязычных статей, задуманное к 80-летию историка и уже находившееся на редакторском столе издательства. Причина комична, но и характерна: юбиляр разнервничался, не сумев побороть в себе неприязнь к (в общем-то не столь уж и стеснительным) ограничениям ГОСТа. Автор возмущался мелочностью придира, издательство – капризностью автора.

Не скроем, что лично у нас (уверены, что мы в этом не одиноки) есть еще одна, особая, причина ценить наследие Анджея Поппэ. В современном ученом мире, где столь крикливо заявляет о себе мода на постмодернистский релятивизм и деконструкцию, ум, глаз и душа отдыхают на терпеливой пчелиной дотошности старомодного, по нынешним понятиям, реконструктивиста, каким был и сознательно позиционировал себя Поппэ. И какими мелкими, по сравнению с солидарностью в этом главном, кажутся конкретные научные несогласия! И как почтенна убежденность глубокого профессионала, который в предисловии к своему сборнику 2007 г., не опасаясь упреков в банальности, не постеснялся поставить свою историческую музу под знамя Леопольда Ранке с его несколько наивным «wie es eigentlich war».

Приложенный библиографический список, понятно, далеко не полон, но все же он больше, чем просто расшифровка ссылок, сделанных в тексте некролога. Мы пошли на это намеренно из желания хоть как-то компенсировать отсутствие общедоступного систематического перечня трудов А. Поппэ. Ведь даже в библиографической базе на сайте родного для него Варшавского университета рубрика с именем есть, но, удивительным образом, пустует.

Литература

- Артамонов Ю. А. Гипотеза, выстроенная на гипотезах: по поводу нового исследования А. Поппэ // Вестник церковной истории. 2013. № 1/2 (29/30). С. 361–387.
Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000.

- Мюллер Л. О времени канонизации святых Бориса и Глеба // *Russia Mediaevalis*. München, 1995. Т. VIII, 1. С. 5–20.
- Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. 780 с.
- Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. (Древнейшие государства Восточной Европы. 2007 год). 514 с.
- Назаренко А. В. О времени учреждения Киевской митрополии (современное состояние проблемы) // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура. Материалы конференции в память 1000-летия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба. Москва, 14–16 октября 2015 г. М., 2017. С. 130–175.
- Поппэ А. Древнерусская надпись XII столетия на рукоятке ножа из Дрогичина // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. 5. С. 328–333.
- Поппэ А. Заснування Софії Київської // Український історичний журнал. 1965. № 9. С. 97–104.
- Поппэ А. Учредительная грамота Смоленской епископии // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 59–71. [Поппэ, 1966а]
- Поппэ А. О роли иконографических изображений в изучении литературных произведений о Борисе и Глебе // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 24–45. [Поппэ, 1966б]
- Поппэ А. Графіті й дата спорудження Софії Київської // Український історичний журнал. 1968. № 9. С. 93–97. [Поппэ, 1968а]
- Поппэ А. Русские митрополии Константинопольской патриархии, 1–2 // ВВ. М., 1968. Т. 28. С. 85–108. [Поппэ, 1968б]
- Поппэ А. Русские митрополии Константинопольской патриархии, 3 // ВВ. М., 1969. Т. 29. С. 95–104. [Поппэ, 1969а]
- Поппэ А. Заснування митрополії Русі в Київі // Український історичний журнал. 1969. № 6. С. 91–105. [Поппэ, 1969б]
- Поппэ А. Русско-византийские церковно-политические отношения в середине XI века // История СССР. 1970. № 3. С. 108–124.
- Поппэ А. О времени зарождения культа Бориса и Глеба // *Russia Mediaevalis*. München, 1973. Т. 1. С. 6–29.
- Поппэ А. Родословная Мстиши Свенельдича // Летописи и хроники. М., 1974. Сборник статей 1973: Памяти А. Н. Насонова. С. 64–91.
- Поппэ А. К вопросу об ультрамартовском стиле в Повести временных лет // История СССР. 1974. № 4. С. 175–178.
- Поппэ А. К истории романских дверей Софии Новгородской // Средневековая Русь. Сборник памяти Н. Н. Ворониной. М., 1976. С. 191–200.
- Поппэ А. Сообщение русского паломника о церковной организации Кипра в XII в. // *Ἐλετερίς τοῦ Κέντρου Ἐπιστημονικῶν Ἑρευνῶν. Λευκωσία*, 1977. Т. 8 (1975–1977). С. 53–72.
- Поппэ А. «Ис кирилоцѣ» и «ис кириловицѣ» // *Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1985. Vol. 31–32. P. 319–350.
- Поппэ А. Политический фон крещения Руси (русско-византийские отношения в 986–989 гг.) // Как была крещена Русь. 2-е изд. М., 1990. С. 202–240.
- Поппэ А. О зарождении культа свв. Бориса и Глеба и о посвященных им произведениях // *Russia Mediaevalis*. München, 1995. Т. VIII, 1. С. 21–68. [Поппэ, 1995а]
- Поппэ А. Князь Владимир как христианин // Русская литература. 1995. № 2. С. 35–46. [Поппэ, 1995б]
- Поппэ А. Митрополиты и князья Киевской Руси // Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 441–499. [Поппэ, 1996а] (Раздел о митрополитах перепеч.: Ціпанов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 191–206.)
- Поппэ А. К дискуссии о времени постройки Софии Киевской // Проблемы истории древнерусского зодчества (по материалам архитектурно-археологических чтений, посвященных памяти П. А. Раппопорта, 15–19 января 1990 г.). СПб., 1996. С. 21–24. [Поппэ, 1996б]
- Поппэ А. Феофано Новгородская // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 102–120.

- Поппэ А. Леонтий, игумен Патмосский, кандидат в митрополиты Руси // *Χρυσῶν Πύλαι – Златая врата. Essays presented to I. Ševčenko on his eightieth birthday* / Ed. by P. Schreiner, O. Strakhov. Cambridge (Mass.), 2002. Vol. 1. P. 60–70. (В англ. перев.: Poppe, 2007. Nr. VI.)
- Поппэ А. Земная гибель и небесное торжество Бориса и Глеба // *ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 304–336.*
- Поппэ А. Когда и как князь Владимир был признан святым? // *От Древней Руси к новой России. Юбилейный сборник, посвященный Я. Н. Щапову. М., 2005. С. 44–61.*
- Поппэ А. Гертруда-Олисава, *русская княгиня*: Пересмотр биографических данных // *Именослов. Историческая семантика имени. М., 2007. Вып. 2. С. 205–229.*
- Поппэ А. Св. Глеб на березе. Заметка о ремесле исследователя // *Ruthenica. Киев, 2007. Т. 6. С. 308–314. [Поппэ, 2007б]*
- Поппэ А. Русь и Афон в XI веке: В защиту профессионализма в исследованиях // *Miscellanea Slavica: Сборник статей к 70-летию Б. А. Успенского. М., 2008. С. 320–340. [Поппэ, 2008а]*
- Поппэ А. Владимир Святой: У истоков церковного прославления // *Факты и знаки. Исследования по семиотике истории. М., 2008. Вып. 1. С. 40–107. [Поппэ, 2008б]*
- Поппэ А. А. А. Шахматов и спорные начала русского летописания // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 3 (33). С. 76–85.*
- Поппэ А. Радение игумена Даниила об устройении церкви на Руси. Кипрский эпизод // *Studi Slavistici. Firenze, 2009. Т. 6. С. 7–28.*
- Поппэ А. К биографии Святополка Окаянного // *История: дар и долг. Юбилейный сборник в честь А. В. Назаренко. М.; СПб., 2010. С. 233–246.*
- Поппэ А. Студиты – просветителями (так! – А. Н.) Руси // *22nd Intern. Congress of Byzantine Studies, Sofia, 22–27 August 2011. Sofia, 2011. Vol. 1. P. 131–141. [Поппэ, 2011а]*
- Поппэ А. Новгородский епископ Лука Жидята: К вопросу о студитах на Руси // *Висы дружбы. Сборник статей в честь Т. Н. Джаксон. М., 2011. С. 357–367. [Поппэ, 2011б]*
- Поппэ А. Студиты на Руси: Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря. Киев, 2011. (*Ruthenica. Supplementum, 3*). [Поппэ, 2011в]
- Франклин С., Шепард Дж. *Начало Руси, 750–1200* / Пер. Д. М. Буланина, Н. Л. Лужнецкой; Под ред. Д. М. Буланина. СПб., 2000 (англ. оригинал вышел в 1996 г.).
- Honigsmann E. *Studies in Slavic Church History, A: The Foundation of the Russian Metropolitan Church According to Greek Sources* // *Byzantion. Bruxelles, 1945. Т. 17 (1944/5). (American ser. Т. 3). P. 128–162.*
- Laurent P. *Aux origines de l’Eglise russe: L’établissement de l’hierarchy Byzantine* // *Echo d’Orient. Paris, 1939. Т. 38. Nr. 195–196. P. 279–295.*
- Müller L. *Zum Problem des hierarchischen Status und der jurisdiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039. Köln – Braunsfeld, 1959. (Osteuropa und der deutsche Osten: Beiträge aus Forschungsarbeiten und Vorträgen der Hochschulen des Landes Nordrhein-Westfalen. Reihe 3; Westfälische Wilhelms-Universität zu Münster. Buch 6).*
- Obolensky D. *Cherson and the Conversion of Rus’: An anti-Revisionist View* // *Byzantine and Modern Greek Studies. Birmingham, 1989. Vol. 13. P. 244–256.*
- Poppe A. *Zabytek epigrafiki staroruskiej z XII wieku (studium paleograficzne)* // *Studia Źródłoznawcze. 1957. Т. 1. S. 89–108. [Poppe, 1957а]*
- Poppe A. *W sprawie genezy miast staroruskich (uwagi na marginesie drugiego wydania M. N. Tichomirowa: Driewnewrussskije goroda, Moskwa, 1956)* // *Przegląd Historyczny. Warszawa, 1957. Т. 48. S. 553–568. [Poppe, 1957б]*
- Poppe A. *Gród Wołyń. Z zagadnień osadnictwa wczesnośredniowiecznego na pograniczu polsko-ruskim* // *Studia Wczesnośredniowieczne. 1958. Т. 4. S. 227–300.*
- Poppe A. *Materiały do słownika terminów budownictwa staroruskiego. Wrocław, 1962.*
- Poppe A. *Uwagi o najstarszych dziejach kościoła na Rusi.*
- Cz. 1: *Początki metropolii i sprawa archikatedry* // *Przegląd Historyczny. Warszawa, 1964. Т. 55. Zesz. 3. S. 369–391. [Poppe, 1964а];*
- Cz. 2: *Metropolia Perejasławska i traktat o azymach* // *Przegląd Historyczny. Warszawa, 1964. Т. 55. Zesz. 4. S. 557–572. [Poppe, 1964б];*
- Cz. 3: *Metropolia Czernihowska* // *Przegląd Historyczny. Warszawa, 1965. Т. 56. Zesz. 4. S. 557–569. [Poppe, 1965а].*

- Poppe A. Materiały do dziejów tkaniny staroruskiej. Terminologia źródeł pisanych. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1965. (Studia i materiały z historii kultury materialnej. T. 25). [Poppe, 1965b]
- Poppe A. Chronologia utworów Nestora-hagiografa // *Slavia Orientalis*. Warszawa, 1965. T. 14. S. 287–305. [Poppe, 1965c]
- Poppe A. Le traité des azymes Λέοντος μητροπολίτου τῆς ἐν Ῥωσίᾳ Πρεσθλάβας: Quand, où et par qui a-t-il été écrit? // *Byzantion*. Bruxelles, 1965. T. 35. P. 504–527. (= Poppe, 1982. Nr. VII). [Poppe, 1965d]
- Poppe A. Fundacja biskupstwa smoleńskiego // *Przegląd Historyczny*. Warszawa, 1966. T. 57/4. P. 538–557.
- Poppe A. Opowieść latopisarska o wyprawie “na Greków” w 1043 r. Jej redakcje i okoliczności powstania // *Slavia Orientalis*. Warszawa, 1967. T. 16. S. 349–362.
- Poppe A. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968. (Rozprawy Uniwersytetu Warszawskiego – Dissertationes Universitatis Varsoviensis. T. 26). [Poppe, 1968a]
- Poppe A. Kompozycja fundacyjna Sofii Kijowskiej. W poszukiwaniu układu pierwotnego // *Bulletyn Historii Sztuki*. 1968. T. 30/1. S. 1–28. [Poppe, 1968b]
- Poppe A. Opowieść o mięczeństwie i cudach Borysa i Gleba. Okoliczności i czas powstania utworu // *Slavia Orientalis*. Warszawa, 1969. T. 18. S. 267–292, 359–382. [Poppe, 1969a]
- Poppe A. Le prince et l’Eglise en Russie de Kiev depuis la fin du Xe siècle jusqu’au début de XIIe siècle // *Acta Poloniae Historica*. Warszawa, 1969. T. 20. P. 95–119. (= Poppe, 1982. Nr. IX). [Poppe, 1969b]
- Poppe A. Zur Geschichte der Kirche und des Staates der Rus’ im 11. Jahrhundert: Titularmetropolen // *Das heidnische und christliche Slaventum: Acta II Congressus internationalis historiae Slavicae Salisburgo-Ratisbonensis anno 1967 celebrati*. Wiesbaden, 1970. Bd. 1. S. 64–75.
- Poppe A. La dernière expédition russe contre Constantinople // *Byzantinoslavica*. Prague, 1971. T. 32. P. 1–29, 233–268. [Poppe, 1971a]
- Poppe A. L’organisation diocésaine de la Russie aux XIe–XIIe siècles // *Byzantion*. Bruxelles, 1971. T. 40 (1970). P. 165–217. (= Poppe, 1982. Nr. VIII). [Poppe, 1971b]
- Poppe A. La tentative de réforme ecclésiastique en Russie au milieu du XIe siècle // *Acta Poloniae Historica*. Warszawa, 1972. T. 35. P. 5–31. (= Poppe, 1982. Nr. V).
- Poppe D., Poppe A. Dziewosłęby o porfirogenetkę Annę // *Cultus et cognitio. Studia z dziejów średniowiecznej kultury*. Księga ku czci A. Gieysztora. Warszawa, 1976. P. 451–468.
- Poppe A. The Political Background to the Baptism of Rus’: Byzantine-Russian Relations between 986–89 // *Dumbarton Oaks Papers*. Washington, 1976. Nr. 30. P. 197–244. (= Poppe, 1982. Nr. II). [Poppe, 1976b]
- Poppe A. On an Interpolation in the KB Manuscript of the *Zadonshchina* // *Canadian-American Slavic Studies*. 1979. Vol. 13. P. 102–110. [Poppe, 1979a]
- Poppe A. The Original Status of the Old-Russian Church // *Acta Poloniae Historica*. Warszawa, 1979. T. 39. P. 5–45. (= Poppe, 1982. Nr. III). [Poppe, 1979b]
- Poppe A. Die Magdeburger Frage. Versuch einer Neubewertung // *Europa Slavica - Europa Orientalis. Festschrift für H. Ludat zum 70. Geburtstag* / Hg. K.-D. Grothusen, K. Zernack. Berlin, 1980. S. 297–340. [Poppe, 1980a]
- Poppe A. Das Reich der Ruß im 10. und 11. Jahrhundert: Wandel der Ideenwelt // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. München; Wiesbaden, 1980. Jg. 28. S. 334–354. (= Poppe, 1982. Nr. I). [Poppe, 1980b]
- Poppe A. On the Title of “Grand Prince” in the Tale of Ihor’s Campaign // *Eucharisterion*. In Honour of O. Pritsak. Cambridge (Mass.), 1980. (Harvard Ukrainian Studies. Vol. 3/4). P. 684–689. (= Poppe, 2007. Nr. X). [Poppe, 1980c]
- Poppe A. The building of the church of St Sophia in Kiev // *Journal of Medieval History*. Amsterdam, 1981. Vol. 7. P. 15–66. (= Poppe, 1982. Nr. IV). [Poppe, 1981a]
- Poppe A. La naissance du culte de Boris et Gleb // *Cahiers de civilisation médiévale*. Poitiers, 1981. T. 24. P. 29–53. (= Poppe, 1982. Nr. VI). [Poppe, 1981b]
- Poppe A. Some Observations on the Bronze Doors of the St. Sophia in Novgorod // *Les Pays du Nord et Byzance*. Uppsala, 1981. (Figura, 19. Acta Universitatis Upsaliensis). P. 407–418. (с добавл.: Poppe, 2007. Nr. XI). [Poppe, 1981c]
- Poppe A. The Rise of Christian Russia. London, 1982. (Variorum reprints; Collected studies series. T. 157).
- Poppe A. O tytule wielkoksiążęcym na Rusi // *Przegląd Historyczny*. Warszawa, 1984. T. 75. S. 423–439. (в англ. перев. и с дополн.: Poppe, 2007. Nr. IX). [Poppe, 1984a]
- Poppe A. On the So-Called Chersonian Antiquities // *Medieval Russian Culture* / Ed. H. Birnbaum, M. S. Flier. Berkley; Los Angeles; London, 1984. P. 71–104. (с добавл.: Poppe, 2007. Nr. XII). [Poppe, 1984b]

- Poppe A.* Werdegang der Diözesanstruktur der Kiever Metropolitankirche in den ersten drei Jahrhunderten der Christianisierung der Ostslaven // Tausend Jahre Christentum in Russland: Zum Millennium der Taufe der Kiever Rus' / Hg. K. Ch. Felmy, G. Kretschmar, F. von Lilienfeld, C.-J. Roepke. Göttingen, 1988. S. 251–290. [Poppe, 1988a]
- Poppe A.* Christianisierung und Kirchenorganisation der Ostslaven in der Zeit vom 10. bis zum 13. Jahrhundert // Österreichische Osthefte. Wien, 1988. Jg. 30. S. 457–506. [Poppe, 1988b]
- Poppe A.* How the Conversion of Rus' Was Understood in the Eleventh Century // Harvard Ukrainian Studies. Cambridge (Mass.), 1988. Vol. 11 (1987). P. 287–302. (= Poppe, 2007. Nr. III).
- Poppe A.* Two Concepts of the Conversion of Rus' in Kievan Writings // Harvard Ukrainian Studies. Cambridge (Mass.), 1990. Vol. 12/13 (1988/1989). P. 488–504. (= Poppe, 2007. Nr. IV).
- Poppe A.* Once Again Concerning the Baptism of Ol'ga, Archontissa of Rus' // Dumbarton Oaks Papers. Washington, 1992. Nr. 46: Homo Byzantinus. Papers in Honor of A. Kazhdan. P. 271–277. (с дополн.: Poppe, 2007. Nr. II). [Poppe, 1992a]
- Poppe A.* Vladimir, prince chrétien // Le origini e lo sviluppo della cristianità slavo-bizantina / A cura di S. W. Swierkosz-Lenart. Roma, 1992. P. 19–42. (Istituto storico Italiano per il medio evo; Nuovi studi storici, 17). [Poppe, 1992b]
- Poppe A.* Vladimir als Christ. Versuch eines psychologischen Porträts des Kiever Herrschers // Österreichische Osthefte. Wien, 1993. Jg. 35. S. 553–575.
- Poppe A.* Spuścizna po Włodzimierzu Wielkim. Walka o tron kijowski 1015–1019 // Kwartalnik Historyczny. Warszawa, 1995. T. 102. S. 3–22. [Poppe, 1995a]
- Poppe A.* Der Kampf um die Kiever Thronfolge nach dem 15. Juli 1015 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1995. Bd. 50. S. 275–296. [Poppe, 1995b]
- Poppe A.* The Christianization and Ecclesiastical Structure of Kievan Rus' // Harvard Ukrainian Studies. Cambridge (Mass.), 1997. Vol. 21. P. 311–392. (= Poppe, 2007. Nr. V).
- Poppe A.* Gertruda-Olisava, regina Russorum. Materiały do życiorysu // Scriptura custos memoriae. Poznań, 2001. P. 575–591.
- Poppe A.* Losers on Earth, Winners in Heaven. The Assassination of Boris and Gleb in the Making of Eleventh Century Rus' // Quaestiones Mediae Aevi Novae. 2003. Vol. 8. P. 133–168. (= Poppe, 2007. Nr. VII).
- Poppe A.* Christian Russia in the Making. Farnham, 2007. (Variorum Ashgate Collected studies. Nr. 867).
- Poppe A.* The Sainthood of Vladimir the Great: Veneration in the Making // Poppe, 2007. Nr. VIII. P. 1–52. (Предшествовавшей публикации не было.)
- Poppe A.* Gab es eine ottonische Ostpolitik, die die Kiewer Rus' im Blickfeld hatte? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2014 год. М., 2016. С. 379–400.

Alexandr V. Nazarenko
Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

IN MEMORY OF ANDRZEJ POPPE
(July 12, 1926 – January 31, 2019)
An attempt of a lyric-analytical obituary

